

Жизнь моей матери была довольно печальной, настолько сложной, насколько только нормальные люди могут представить. Она сбежала из дома мечтательной молодой девушкой с кавалером, который оказался менее, чем благородным, и обнаружила себя на портовых улицах в роли сутенёра. Одним из ее клиентов был молодой член семьи Марстон. Он проявил к ней неподдельный интерес, устроил скандал и умер, оставив мою мать на милость своей семьи. Семья Марстонов была здесь очень влиятельной. Они собрали судью и адвоката вместе для вынесения приговора. Среди наказаний был денежный штраф и "возвращение образа дома Марстонов".'

Это последнее слово было равносильно обязательному рабству. Я пытался вытащить ее оттуда, но она запретила мне это делать. Оказывается, безопасность продолжения службы была тем, чего она хотела. Я и представить себе не мог, что меня запрут в подобном месте. В этом – и во многих других отношениях, честно говоря, – мы не были похожи. Я понятия не имел, был ли я больше похож на своего отца. Мой отец был либо покойным Морстеном, либо бездельником-моряком. Мама не могла или не хотела сказать определенно (Марстоны заставили ее поклясться под присягой, что я не незаконнорожденный сын их сына), и у меня не было особого желания искать этого человека.

Возможно, именно из-за прошлого моей матери я никогда не чувствовал себя вправе посещать бордели вместе с другими моряками. Помимо риска заболеть, я не мог не смотреть на девочек и не думать, что их тоже обманом увезли с какой-нибудь фермы. На каждую "наделенную властью" женщину, устанавливающую свои собственные правила и ведущую мужчин за собой по цепочке, приходилось по дюжине других жертв.

Моя мама была жертвой всю свою жизнь.

“А тебе кто-нибудь еще угрожает?”

- Нет, глупый мальчик! В любом случае что бы ты сделал ...”

- Мама, - сказал я. “Что ты от меня скрываешь?”

- Она побледнела. “Что ты ... я ничего не скрываю!”

- Мама, я хорошо тебя знаю. Ты позволяете мне видеть ваши навыки и атрибуты, но не другие твои характеристики. Я же твой сын. Я видел все остальное, так зачем же прятаться?”

Теперь она действительно плакала, хлопая меня по груди. “Ты просто не позволите мне рассказать вам об этом в мое личное время, не так ли?”

“Я знаю, что я ужасный сын.”

“Не смей так говорить!”

“Что ты там прячешь?”

Она вытерла слезы, но сейчас переживала эмоциональный срыв. “Я кое с кем встречаюсь.”

Я дал ей это понять, а потом подождал, пока она все объяснит. Она не. Мои мысли пошли в темные места. “А кто он такой?- Потребовал я ответа.

- Ну же, Доминик, не требуй от меня ответов! Ты не можешь просто входить и выходить из моей жизни когда тебе заблагорассудится и выносить свои суждения ...”

- Любому человеку, который оскорбляет тебя, лучше молиться, чтобы море вмешалось в мои дела.”

“Он вовсе не оскорбляет меня!- она сплюнула. “Я люблю его!- Я был удивлен, но она слишком многое прочла на моем лице. “Да, так уж случилось, что я привлекательна или, по крайней мере, достаточно близка, чтобы кто-то попытался это сделать! Я знаю, что рано погубила себя в жизни, и это эгоистично, но он действительно заставляет меня чувствовать себя ...”

Я обнял ее и рассмеялся, прервав ее на полуслове. “Ты единственная, кто не считает себя святой!”

- Я не святая. ...”

- Я так рад за тебя, мама! Я всегда надеялся, что ты будешь счастлива! И если этот парень может сделать это для тебя, это здорово! А как его зовут?”

Она бросила на меня предостерегающий взгляд. “Я не хочу, чтобы ты появлялся у его дверей и устанавливал закон, как он должен со мной обращаться ...”

“Разве я не могу хотя бы узнать его профессию?”

“Он бондарь, овдовел несколько лет назад. Теперь мне не нужно, чтобы ты проверял его и видел, сколько он зарабатывает!”

- Я улыбнулся. “Конечно, нет, мама!” - Если бы он был бондарем, я бы нашел его, если бы мне пришлось. - “Но ... это все равно не объясняет, почему ты скрываешь свою статистику.”

- Она покраснела. - Я ... кажется, я беременна.”

Пока я обрабатывала этот маленький лакомый кусочек, я не мог сдержать лукавой усмешки. “Ты же знаешь, что "беременность" не отражается в твоей статистике, верно?”

У нее отвисла челюсть, и я громко рассмеялась. “Что ты имеешь в виду?”- прошипела она. “А разве люди не могут сказать?”

- Мама, - объяснил я. “Ты просто прелесть. Я уверен, что есть тысяча и один способ, которым кто-то может сказать, что вы беременны, но чтобы получить что-то из статистического отчета, они должны были бы проанализировать ребенка. В городе нет ни одного человека с таким уровнем анализа, которому было бы не все равно.”

Она покраснела еще сильнее, взволнованная тем, что выдала себя. Я удивлялся тому, насколько невежественными могут быть люди в этом мире. Даже если люди не учатся по мере взросления, разве все это не становится интуитивным к тому времени, когда кто-то достигает возраста моей матери? Думаю, что нет.

“А ты не ревнуешь?”- спросила она.

- Ревнуешь? Я не малыш, который будет ныть, что ты отвлекаешь свое внимание. Я счастлив, если ты счастлива!”

Мама схватила меня за голову и наклонила ее, чтобы поцеловать в лоб. - Благослови тебя Господь, мой мальчик! Что я вообще сделала, чтобы заполучить тебя?”

- Ну что ж, - сказал я. - Обычно все начинается с того, что мужчина спрашивает женщину, может ли он угостить ее выпивкой ...”

Она рассмеялась и снова хлопнула меня по груди, на этот раз игриво. “Не привози сюда матросскую болтовню!”

“Конечно, нет!”- Запротестовал я. “Теперь это разговор бондаря, не так ли? Правда ли то, что они говорят о бочонках Купера, которые имеют тот же размер, что и ...”

- Доминик Сиборн, прекрати это!”

Я со смешком уронила его. Доминик было единственным моим именем. Когда моя мама была раздражена и хотела произнести имя с чуть большим ударом, она называла меня рожденным в море. Если бы у меня когда-нибудь была причина взять фамилию, это было бы именно так.

“Ты действительно хочешь, чтобы я встретился с тобой сегодня вечером?”

- Нет, я уверена, что ты только что вернулся. Я просто рада тебя видеть. Обязательно скажи мне, есть ли в твоей жизни какая-нибудь девушка!”

Когда я повернулся, чтобы уйти, она поймала меня за руку. - Подожди, а ты не мог бы ... не мог

бы ты дать мне Свое благословение?"

- А?- Глупо сказал я. Благословение? Как будто отец отдал свою дочь замуж?

"Я знаю, что это глупо, но не знаю, зачем я это сказала. Я просто хочу знать ..."

Мне не нужен был высокий уровень интеллекта, чтобы понять, что это было что-то важное для нее, и я был бы бессердечен, отказывая ей только потому, что это не было моей ролью. Я взял ее голову и поцеловал в лоб точно так же, как она сделала это со мной. "Будь счастлива."

Ты даровал: благословение сына!

Мы оба удивленно заморгали. "А что это такое ..."

"Я понятия не имею, что он делает." Когда ты не можешь определить эффект, то либо это выходит за рамки твоих способностей, либо результаты не поддаются количественному измерению. Это может оказаться простым повышением морального духа с сумасшедшими критериями. Может быть, это сводило на нет другой эффект. Да и кто знает? Моя мама получила то, что ей нужно было услышать, и это было подтверждено всем миром.

Я не стал задерживаться. То есть я больше не оставался и не болтал с мамой. Я действительно свернул с дороги и вернулся назад, чтобы шпионить за домом. Если бы моя мама рассказала мне все, я был бы счастлив за нее. Хотя это был бы не первый раз, когда она что-то скрывала от меня. Так что я слышал, как кричал старина Марстон, но он кричал на всех подряд. Я видела, как Миссис Марстон разговаривает с моей мамой совершенно спокойно, как она обычно делала, когда они не были на людях. Между ней и другими слугами или членами семьи не было никаких проблем. Удовлетворенный, я вернулся на дорогу и вышел из укрытия.

Я направлялся к портному, когда попал в беду. Точнее говоря, беда чуть не переехала меня. Толпа, которая была чем-то средним между толпой и бандой, преследовала кого-то из союзников на улице. Я на мгновение встретился взглядом с поваром, прежде чем он прошел мимо меня и толпы вокруг меня. Быть "подхваченным" толпой-это реально. Я был уже в сотне ярдов от него, когда он опустил меня на землю. Я потянул за руку одного из людей сзади-прихлебателя, который хотел посмотреть, что случилось, но не хотел слишком вмешиваться.

"Что происходит?"

"Они нашли в городе Таришского наемника! Они дадут ему то, что нужно, всё в порядке!"

"Таришский наемник?-" Спросил я, но мужчина уже не обращал на меня внимания. Как будто рассуждения с толпой всегда срабатывали.

Я нырнул на другую улицу и побежал, чтобы не попасть в толпу. Он двигался припадками и

рывками. Когда я снова встал на его пути, то понял, что несколько человек действительно преследуют повара и затевают с ним драку, а остальные набросились с силой и анонимностью толпы. Повор попытался бежать, но никак не мог оторваться от погони или опередить ее.

Я взглянул на свою одежду. Смогу ли я блефовать?

- Держись!- Закричал я самым громким голосом. Это было достаточно громко, чтобы привлечь внимание, но по взглядам, которые они бросали на меня, я мог сказать, что ставка на то, чтобы быть авторитетной фигурой, будет проиграна. Вместо этого я указал за угол. - Милиция уже идет!"

Слово "милиция" разнеслось по толпе, и некоторые из них бросились врассыпную, словно их поймали в соседском курятнике. Впрочем, не все. Один из мужчин, окружавших повара, сказал " " Скажи им, чтобы поторопились!"

Так что они не думали, что делают что-то плохое. Это было очень интересно. Шестеренки в моем мозгу пытались выработать план, как заставить этот блеф сработать. Чтобы немного задержаться, я сделал вид, что подзываю кого-то, кого не видно дальше по улице. Затем рысцой направился к людям, стоявшим свободным кордоном вокруг Кука. А что дальше? А что дальше?

К черту все это.

Я ткнул локтем в нос человека справа от меня, затем развернулся и просунул ногу между ног человека слева. - Проваливай!- Я накричал на повара. К его чести, он не колебался и не пытался держаться рядом со мной.

<http://tl.rulate.ru/book/38306/839710>